

Глава 5

Си Цзяюнь резко открыл глаза, пробуждаясь от сна.

Цуй Цаньцань как раз припарковала машину. Заметив, что он проснулся, она улыбнулась:

— А я только собиралась тебя разбудить, а ты сам...

Она не успела договорить — юноша поднял голову.

Сон все еще держал его в своих тисках, не позволяя до конца отделить собственное «я» от образа крошечного испуганного Циляня. Сердце щемило от горечи, к горлу подкатывал ком. Глаза Си Цзяюня повлажнели, а во взгляде сквозила такая беспросветная тоска, что на него было больно смотреть.

Цуй Цаньцань осеклась.

— Цзяцзя... — нерешительно позвала она.

— Что-то случилось? — тихо спросил он.

Девушка пристально вгляделась в его лицо. Ей показалось, что сейчас в Си Цзяюне проступило нечто такое, чего она не замечала прежде. Описать это словами она бы не смогла, но в груди защемило от непреодолимого чувства нежности и жалости.

Не найдя подходящего объяснения своим мыслям, Цуй Цаньцань лишь качнула головой, отгоняя наваждение.

— Пустяки, — отозвалась она и перевела тему: — Нам нужно набрать режиссеру Суну? Боюсь, без его ведома нас на съемочную площадку не пропустят.

Кивнув, Си Цзяюнь подождал минуту, чтобы окончательно прийти в себя, и набрал номер режиссера Суна.

«Лик лотоса» снимали по историческому роману, полному дворцовых интриг и тайн. Почти все действие разворачивалось в императорских покоях, поэтому съемочная группа арендовала огромный павильон на территории киностудии.

Когда режиссер Сун принял вызов, он как раз объяснял задачу исполнителям главных ролей. Наспех договорив, он позвал своего помощника:

— Я пригласил актера на пробы на роль Се Яня. Сходи встретить его у входа.

— И кого же ты откопал? — любопытствовал тот.

— Си Цзяюня.

Помощник режиссера на секунду задумался, пытаясь вспомнить, но безуспешно:

— Впервые слышу. Совершенно незнакомое имя.

— Он малоизвестен, — честно признал Сун. — Зато внешность у парня выдающаяся.

Конечно, то, что режиссер Сун сразу же вспомнил о Си Цзяюне после внезапного скандала с исполнителем роли третьего плана, отчасти объяснялось чувством вины — ведь накануне парня бесцеремонно выставили со съемок посреди ночи. И все же главным аргументом оставалась его внешность. Режиссер прекрасно помнил, насколько красив этот юноша.

На актерский талант Си Цзяюня режиссер особых надежд не возлагал.

«Лик лотоса» задумывался как типичная костюмная дорама, где к актерскому мастерству редко предъявляют завышенные требования. Главное — не фальшивить слишком откровенно, а с остальным Сун готов был смириться. Сроки поджимали, съемки уже шли полным ходом, и медлить было нельзя.

Помощник режиссера лишь скептически усмехнулся про себя.

— Да ладно тебе, — бросил он, нацепив рабочий пропуск. — В нашей индустрии уродов не держат. У кого тут плохая внешность?

С этими словами он вальяжным шагом направился к выходу.

— Ну и где тут Си Цзяюнь? Шагом марш за мн...

Договорить он не успел. Навстречу ему поднялся молодой человек.

Юноша был стройным, даже хрупким, с поразительно бледной кожей. Из-за слепящего летнего солнца он слегка опустил голову, и его длинные ресницы, позолоченные лучами, отбрасывали на лицо тонкую, кружевную тень.

Подойдя ближе, он остановился и открыто посмотрел на встречающего.

— Здравствуйте, я Си Цзяюнь.

Его глаза необычного, светлого оттенка на солнце казались чистейшим прозрачным янтарем. От его облика веяло удивительной свежестью и тем редким, ненавязчивым благородством, которое мгновенно располагает к себе.

Помощник режиссера опешил и несколько секунд просто разглядывал его, прежде чем выдать:

— А... да. Хорошо. Пойдем.

На мгновение он действительно лишился дара речи от изумления.

Ему и в голову не могло прийти, что перед ним предстанет человек столь редкой, завораживающей красоты.

За годы работы на съемочных площадках он повидал немало красивых лиц, но этот парень... Его внешность без всяких преувеличений заслуживала звания эталона.

С такими данными можно покорить любые вершины!

Не удержавшись, помощник режиссера спросил:

— Ты ведь только начинаешь? Недавно в бизнесе?

— Нет, — покачал головой Си Цзяюнь, — уже четыре года.

— Четыре года?! — неподдельно изумился тот. — Да как такое возможно?

В шоу-бизнесе смазливых лиц хватало, но красота Си Цзяюня была совсем другого порядка — редкая, запоминающаяся с первого взгляда. Помощник режиссера был уверен, что с такими картами на руках любой бы давно пробился на самый верх, но он никогда прежде не слышал этого имени. Оттого и решил, что юноша дебютировал буквально вчера.

— Но это чистая правда, — мягко подтвердил Си Цзяюнь.

Собеседник еще раз окинул его оценивающим взглядом. Логического объяснения этой загадке он не нашел, поэтому просто махнул рукой и подбадривающе произнес:

— Ладно, неважно. Сейчас будут пробы, выложись на полную. Для тебя это отличный шанс.

Си Цзяюнь определенно вызывал у него симпатию, поэтому мужчина решил слегка облегчить ему задачу:

— Слушай, скажу тебе по секрету. Съёмки уже идут, и задерживать процесс из-за второстепенного персонажа никто не станет. Нам нужно утвердить кого-то как можно скорее. Так что к актерской игре придирайтесь не будут. Главное — держись уверенно и не тушуйся перед камерой.

Понимая, что это дружеский совет, Си Цзяюнь благодарно улыбнулся:

— Понимаю. Спасибо вам большое за подсказку.

— Да брось ты, — добродушно отмахнулся тот. Ему нравились такие скромные, вежливые ребята, да и смотреть на парня было одно удовольствие. — Иди за мной.

Си Цзяюнь махнул рукой Цуй Цаньцань, отправляя ее искать парковку, а сам последовал за своим проводником вглубь съемочного павильона.

Режиссер Сун к этому времени закончил разбор сцены с главными актерами, и те теперь репетировали диалог самостоятельно. Сун открутил крышку бутылки с водой, сделал глоток и лениво скользнул взглядом по дверям павильона, у которых как раз показались две фигуры.

— Привел, — доложил помощник.

Режиссер кивнул и приветливо махнул рукой:

— А, Сяо Цзя. Привет.

— Здравствуйте, режиссер Сун, — отозвался Си Цзяюнь.

Поставив бутылку на стол, Сун сверился с часами:

— До конца перерыва осталось минут десять. Как раз уложимся.

Он с шелестом пролистал сценарий, нашел нужный эпизод с участием Се Яня и протянул распечатку юноше:

— Пробеги глазами, постарайся прочувствовать сцену. Покажешь мне этот отрывок.

Си Цзяюнь кивнул и углубился в чтение.

Сцена была непростой. Главная героиня, Сян Сяюань, рассорившись с наследным принцем Се Юем, в расстроенных чувствах уводила Се Яня в сад полюбоваться цветами. Там они сталкивались с самим Се Юем. Ослепленный ревностью и гневом принц срывал злость на несчастном Се Яне, осыпая его жестокими упреками.

Закрыв сценарий, Си Цзяюнь прикрыл глаза, мысленно анализируя характер своего персонажа.

Пусть раньше ему доставались лишь эпизодические роли с парой реплик, Си Цзяюнь всегда досконально изучал сценарий целиком. Он прекрасно помнил все хитросплетения сюжета и мотивы героев.

Се Юй и Се Янь были родными братьями, рожденными императрицей Чжун. Однако их судьбы сложились совершенно по-разному. Из-за врожденного недуга Се Яня его мать стала посмешищем во дворце. Разгневанная и уязвленная правительница приказала запереть несчастного ребенка в Зале Созерцания Весны, запретив ему когда-либо показываться на глаза придворным.

Се Янь рос с твердым убеждением, что он — уродливое чудовище. Но в его сердце не было ни капли ненависти к матери, ни зависти к блистательному старшему брату. Лишь глубокая, щемящая тоска охватывала его каждый раз, когда он украдкой наблюдал за их теплыми, искренними отношениями.

«Он ведь... отчаянно жаждал любви и тепла?» — подумал Си Цзяюнь.

Врожденный альбинизм, вечное презрение окружающих и невыносимый голод по семейному теплу...

Сопоставляя детали образа, Си Цзяюнь внезапно замер, пораженный внезапной догадкой. Он понял, что маленький черный Цилинь из его сна находился в точно таком же положении.

Поймав это неуловимое, но верное ощущение, юноша поднял голову.

— Я готов. Можем начинать?

Режиссер кивнул:

— Раз готов, приступай.

Помощник режиссера взял у него листы со сценарием и, скользнув взглядом по строчкам, удивленно вскинул брови:

— Постой, ты выбрал именно этот эпизод? Но он же невероятно сложный!

В этой сцене практически не было реплик. Весь драматизм строился на тончайшей мимике, едва заметных жестах и внутреннем напряжении актеров.

Услышав замечание коллеги, Сун взглянул на страницу. Он действительно открыл ее наугад, не вникая в суть. Понимая, что для неопытного новичка такая задача может оказаться непосильной, он потянулся к бумагам:

— Да, пожалуй. Давай подберем что-нибудь попроще.

— Не нужно, — мягко, но твердо возразил Си Цзяюнь. — Оставим эту.

Подобное упрямство со стороны малоизвестного актера заставило помощника режиссера усмехнуться.

— Сяо Цзя, смелость — это, конечно, хорошо, но не путай уверенность в себе с безрассудством.

— И все же я бы хотел попробовать, — настаивал юноша.

Режиссеры переглянулись. Юношеский задор показался им забавным, хотя они и списали его на обычную неопытность.

— Что ж, дерзай, — пожал плечами Сун.

Поскольку реплик было мало, вызывать профессионального партнера не стали — режиссер вызвался подыграть сам. Он заглянул в текст и мгновенно преобразился, приняв грозный вид:

— Итак, начали.

Сун набрал в грудь воздуха и ледяным, властным тоном произнес:

— Кто позволил тебе покинуть Зал Созерцания Весны?

Си Цзяюнь на секунду прикрыл глаза. А когда распахнул их снова, перед режиссерами стоял совершенно другой человек.

— Я... — сорвался с его губ едва слышный шепот.

— Убирайся прочь! — с нескрываемым отвращением выплюнул режиссер.

Ресницы Си Цзяюня мелко задрожали. В его взгляде отразились растерянность и глубоко затаенный страх. Он невольно попятился назад, словно пытаясь защититься от невидимого удара.

— Глаза бы мои тебя не видели, — безжалостно добавил Сун.

Юноша застыл. Он долго молчал, не отрывая взгляда от режиссера — застывший, беззащитный и бесконечно растерянный.

Его чистые, прозрачные глаза светились детским простодушием, но за этим сквозила такая невыносимая, удушающая тоска, что у любого наблюдателя защемило бы сердце.

Режиссер Сун невольно осекся.

Во время официального кастинга многие кандидаты пробовались именно на эту сцену. Но все они играли Се Яня трусливым, забитым калекой; некоторые даже начинали картинно рыдать, что выглядело фальшиво и нелепо. Си Цзяюнь же проявил невероятную чуткость. В его игре не было переигрывания — страх и растерянность казались пугающе настоящими, а в глубине души его героя угадывалось нечто большее.

От бывшего скепсиса режиссера не осталось и следа. Он подался вперед, затаив дыхание.

Прошло несколько томительных секунд, прежде чем Си Цзяюнь тихо выдохнул:

— Хорошо...

В этом единственном коротком слове послышалась едва уловимая дрожь.

У режиссера тоскливо сжалось сердце. Его захлестнула чужая, сыгранная, но такая осязаемая боль.

Но парень не ограничился этим. Сун заметил потрясающую деталь: Си Цзяюнь попытался произнести это «хорошо» дважды, но в первый раз у него перехватило дыхание, и наружу вырвался лишь беззвучный выдох.

Так бывает в реальной жизни, когда горе или радость сдавливают горло, лишая дара речи. Воссоздать подобный психологический нюанс на пробах — высший пилотаж.

Опустив голову, юноша тихо, с деланным спокойствием проговорил:

— Мне пора.

Эти слова предназначались главной героине, Сян Сяюань.

Голос его прозвучал так тихо, словно растворился в воздухе. Он казался абсолютно спокойным, но покрасневшие веки выдавали внутреннюю бурю. Смотреть на это без жалости было невозможно.

Режиссер заворуженно смотрел на него, и вдруг его осенило. Он понял, какую деталь актер добавил к каноническому образу — глубокую, почти детскую привязанность к старшему брату, принцу Се Юю.

Си Цзяюнь не стал прибегать к дешевому пафосу или заламыванию рук. Его игра была предельно сдержанной, но эта сдержанность состояла из сотен микроскопических деталей, которые мгновенно оживили плоский образ со страниц сценария, сделав его глубоким и трагичным.

В оригинальном сценарии Се Янь выглядел довольно блекло. Жалкий, трусливый калека, страдающий от комплекса неполноценности, — ходячая функция, нужная лишь для того, чтобы сблизить главных героев.

Но в исполнении Си Цзяюня этот персонаж обрел душу. Да, он боялся царственного брата, но за этим страхом крылась отчаянная, непреодолимая жажда любви. К тому же юноше удалось наделить Се Яня удивительной, почти хрустальной чистотой.

И это выглядело абсолютно естественно!

Мальчик всю жизнь провел взаперти в Зале Созерцания Весны, не зная жестокости внешнего мира и коварства людей. В изоляции его душа осталась невинной и чистой, словно у ребенка.

Не сдерживавшись, Сун громко захлопал в ладоши:

— Потрясающе! Браво!

Помощник режиссера даже не шелохнулся. Он заворуженно смотрел на Си Цзяюня, полностью погрузившись в созданную им атмосферу.

Но сцена еще не подошла к концу.

По сценарию Сян Сяюань должна была преградить Се Яню дорогу. Поскольку подыграть было некому, Си Цзяюнь сделал несколько шагов вперед, затем резко замер и медленно обернулся через плечо.

В его чистом, незамутненном взгляде читалась бесконечная, разрывающая душу скорбь. На

этот раз эмоции проступили со всей отчетливостью. В них смешались детская наивность и взрослая боль, отчаяние и робкая надежда. Это было настолько сложно и пронзительно, что граничило с жестокостью по отношению к зрителю.

Подобное зрелище пугало и одновременно разбивало сердце.

Режиссер застыл на месте. Он не мог подобрать слов, потрясенный до глубины души. Сила чужого таланта оказалась настолько велика, что Сун против воли потянулся вперед, словно пытаясь остановить уходящего принца и сказать ему хоть одно теплое слово.

Но тут Си Цзяюнь мгновенно вышел из образа и вежливо улыбнулся:

— Режиссер Сун, я закончил.

Сун на мгновение растерялся, но быстро сориентировался и дружески похлопал парня по плечу, скрывая неловкость.

Помощнику режиссера тоже потребовалось время, чтобы прийти в себя. Он с восторгом покачал головой:

— Это было великолепно. Просто невероятно! Парень, почему ты раньше молчал, что так умеешь?

Игра Си Цзяюня отличалась редкой психологической точностью и глубиной, а его понимание характера персонажа поражало до глубины души.

Впрочем, слово «игра» здесь вообще не подходило. Он не притворялся Се Янем — на эти несколько минут он сам стал им. Каждая эмоция рождалась где-то глубоко внутри его существа. Его собственная грусть перетекала в тоску Се Яня, его растерянность становилась страхом изгнанника. Эта искренность обладала колоссальной силой, заставляя верить каждому жесту. Из плоского картонного наброска он сотворил живого, страдающего человека.

— А я-то еще поучал тебя не тушеваться перед камерой! — рассмеялся помощник режиссера.
— Ну и щелчок ты мне по носу отвесил!

На самом деле стыдно было и самому Суну. Он ведь тоже не ждал от безвестного юноши ничего выдающегося и собирался утвердить его лишь ради красивого лица, надеясь, что тот хотя бы не испортит кадр.

А его желание взяться за сложную сцену они мысленно списали на глупую самоуверенность новичка.

«Молодо-зелено, пусть попробует», — думали они тогда.

Реальность же превзошла все мыслимые ожидания. Парень не просто справился — он показал мастер-класс органичного, тонкого актерского мастерства.

Какое там «сойдет для дорамы»? Им в руки попал настоящий, неограниченный алмаз!

<http://bllate.org/book/18988/1869676>